

НУЖНА ЛИ ШКОЛЕ РЕФОРМА?

Опрос экспертов: формирование прогнозных моделей

Тем читателям, кто впервые знакомится с результатами исследования системы народного образования, проведённого сектором социального прогнозирования Института социологии РАН, предлагаем обратиться к статьям академика И. Бестужева-Лады, опубликованным в НО, 2002, № 5, 7, 9.

I

Напомним, как звучали вопросы, заданные экспертам в ходе исследования системы народного образования:

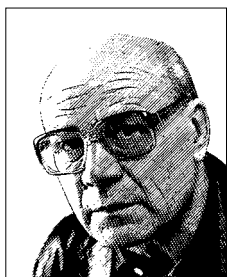
1. Существует ли кризис в СНО России, и если да, то в чём он заключается?
2. Какие проблемы СНО можно считать наиболее существенными?
3. Какова цель образования в нашей стране сегодня?
4. На какие тенденции, наметившиеся в СНО, можно повлиять?
5. Как должны выглядеть подсистемы СНО в обозримой перспективе?

Совершенно неожиданно для исследователей последний из пяти «затравочных» вопросов (как должны выглядеть *подсистемы* СНО в обозримой перспективе?) шаг за шагом по ходу почти всех интервью выдвинулся на первый план, поскольку позволил экспертам развернуться в новом качестве, на более конкретном уровне информации. Правда, они почти никогда не доходили до деталей школьной жизни, как это проявилось в пробных опросах педагогов школы при пилотаже (см.: Пилотаж // НО, 2002, № 5). Но переход с абстрактного на гораздо более конкретный уровень подсистем СНО придал экспертам второе дыхание. Приращение прогностической информации пошло такими темпами и масштабами, что заставило ещё раз пересмотреть всю стратегию исследования, поставив в основу формирования прогнозных моделей, не систему народного образования в целом, а именно её подсистемы. Впрочем, о результатах лучше судить читателю.

Логически **первой** стала *подсистема образования родителей*. Один из экспертов вспомнил известный афоризм о том, что воспитание ребёнка должно начинаться с воспитания его родителей. Но афоризм афоризмом, а ведь нигде в мире такой подсистемы нет! Можно ли и нужно ли её создавать, и если да, то каким образом?

Очень важно, что эксперты обратили внимание на исторический прецедент. Они напомнили, что при традиционном сельском образе жизни (в нашей стране он господствовал до 1960–1970-х годов, на протяжении которых лавинообразно сменился господствующим ныне современным городским) воспитание будущего родителя, как известно, проходило в рамках так называемой семейной школы, где от поколения к поколению передавались профессии отца и матери, их мировоззрение, стереотипы сознания и поведения (что составляет суть действительного, а не на словах, воспитания подрастающего поколения). Эффективность этой школы была несопоставима даже с лучшими сегодня в мире авторскими школами, не говоря уже об обычных. К пятнадцати годам подросток не только физиологически, но и психологически превращался во взрослого человека и был готов в любую минуту выполнить функции главы своего собственного семейства. Разум подсказывает: нужно заимствовать из этого драгоценного народного опыта всё, что возможно.

С какого времени начинать воспитание будущего родителя? Эксперты единогласно отвечают: «Чем раньше — тем лучше». Если возможно беседовать на эту тему в детском

Игорь
Бестужев-Лада,
академик РАО

саду — прекрасно. В начальной школе — очень желательно. В неполной средней — обязательно. В полной средней — уже поздно, поскольку ценностные ориентации молодёжи к этому времени в значительной мере сформированы. А как формирует ценности «улица» — общеизвестно. Некоторые эксперты напомнили об экспериментальном школьном курсе «Этика и психология семейной жизни» и порекомендовали изучить этот опыт. Таким обрисовался в общих чертах **первый** уровень проектируемой подсистемы.

Второй уровень первоначально рисовался исследователям как своего рода «матримониальный ликбез» при подаче молодыми людьми заявления о вступлении в брак, нечто вроде «Материалов для служебного пользования» отдельно для женихов и невест с целью предварительно просветить их в сложностях семейной жизни. Эксперты не оставили от этого гипотетического предложения камня на камне. Они напомнили, что ко времени вступления в законный брак подростки уже ведут беспорядочную половую жизнь и миллионы молодых жизней уже успевают жестоко покалечиться — по крайней мере, психологически. Так что начинать эту стадию надо не с 18 лет, а по меньшей мере на пять лет раньше, когда нынешние акселерированные девочки и мальчики начинают превращаться в девушек и парней, сексуально озабоченных благодаря растлевающим средствам массовой информации.

Интервью проходили в разгар войны между сторонниками заимствования западных стереотипов сексуального просвещения и приверженцами идеи полового воспитания в духе неколебимой добродетели. Существовала и промежуточная позиция — формировать в школе «половую культуру учащихся» как органическую составную часть этической культуры. Как и всем «оппортунистам», сторонникам этой позиции (к коим принадлежит автор) жестоко доставалось с обеих крайних сторон. Среди экспертов нашлись сторонники всех трёх позиций, что и отразилось на их суждениях по этому вопросу. Те же линии

фронтов разделили членов исследовательской группы и сохранились доселе, тормозя конструктивное решение проблемы. Впрочем, идеологическая вражда расколола экспертов и социологов только на этой стадии проектирования подсистемы. Следующие две стадии вызвали, напротив, редкое единодушие.

Третий уровень получил условное название «Университет будущего родителя» и сформировался как совокупность информации, остро необходимой родителям, начиная по меньшей мере с третьего месяца их беременности. Мы сознательно употребляем местоимение «их», а не «её», чтобы подчеркнуть крайнюю желательность просвещения обоих будущих родителей, а не только беременной женщины.

По той же логике следующий, **предпоследний** уровень подсистемы получил название «Университет молодого родителя», рассчитанный примерно на первые три года родительской жизни. Идея его создания сопровождалась таким же единодушным энтузиазмом и экспертов, и социологов. Эксперты предупреждали только, что у молодых родителей очень плохо со временем, чтобы слушать лекции и ходить на семинары, так что придётся разрабатывать и внедрять оригинальную методику просвещения, рассчитанную на человека, вконец измотанного бессонной ночью с орущим ребёнком. Но у социологов противоположного пола были свои собственные конструктивные соображения на сей счёт, проистекающие из личного опыта.

Наконец, **пятый**, последний уровень подсистемы предложил один из экспертов, видимо, лично пострадавший от неразработанности проблемы. Он выступил с идеей создать «Университет молодых бабушек и дедушек», мотивируя это фактом массо-

Е. Ткачёва. Невеста

В каких случаях производится почасовая оплата труда учителям?

Только при оплате за часы при замещении отсутствующих по болезни или другим причинам учителей (не свыше двух месяцев), а также при выполнении педагогической работы на условиях совместительства.

Если работник замещает другого учителя свыше двух месяцев, то за все часы с первого дня замещения ему обязаны заплатить как за увеличение его недельной нагрузки.

По окончании каждого учебного полугодия часы педагогической работы, по обучению на дому больных детей сверх объёма учебной нагрузки, установленной при тарификации, оплачиваются дополнительно по часовым ставкам.

А.Б. Вифлеемский,
О.В. Чиркина

вого появления «молодых людей» сорока с лишним лет, на которых, в дополнение к их собственному сокровищу, удвоенному точно таким же сокровищем противоположного пола откуда-то со стороны, внезапно обрушивается примерно такого же уровня сознательности третьё сокровище, с которым уже успели позабыть, как обращаться. Думается, эта идея не менее конструктивна, чем две предыдущие, тем более что все три последних уровня рассматриваемой подсистемы нетрудно объединить в комплекс.

Эксперты подчёркивали (и социологи подтвердили), что эта подсистема может работать в значительной мере на началах самокупаемости, поскольку многие люди готовы платить приличные деньги, чтобы им помогли находить оптимальные решения свалившихся на них проблем. Но и госдотации здесь не менее оправданны, чем в любой другой подсистеме СНО. Ведь речь идёт о судьбах миллионов и миллионов родителей и детей.

II

Дошкольная подсистема образования была единственной из девяти, где все шестнадцать интервью быстро вылились в диалог, можно сказать, «на равных», хотя, учитывая высокий статус экспертов, это было очень непросто. Ни один из шестнадцати экспертов не работал в дошкольных учреждениях. Зато всем им был свойствен более широкий и глубокий взгляд на СНО в целом, включая все её подсистемы, поэтому диалог получился в высшей степени конструктивным. Попытаемся суммировать суждения экспертов.

Диалог начинался с дискуссионного по сей день вопроса, как лучше именовать рассматриваемую подсистему: привычным «дошкольным воспитанием» или пока что непривычным «дошкольным образованием». Здесь мнения экспертов разделились почти поровну. Интервьюеры в каждом случае разъясняли, что сектор придерживается терминологической концепции, согласно которой «образование» есть совокупность «обучения» и «воспитания», при-

чём первое подразумевает передачу знаний, умений и навыков, а второе — передачу стереотипов сознания и поведения. Однако отнюдь не все эксперты разделяют эту традиционную концепцию.

При всех терминологических разногласиях обе стороны во всех шестнадцати случаях согласились, что дошкольное образование (воспитание) необходимо широкому кругу — в идеале всем детям дошкольного возраста. Почти все эксперты подчёркивали недопустимость принудительности и уподобления детсадовских занятий школьным. Только игровой режим! А режим посещений — в зависимости от конкретных условий в каждой семье. При хорошей матери-домохозяйке или бабушке вполне достаточно прогулочной группы дважды по часу-другому в день (для обязательного, хотя бы минимального общения со сверстниками). А при иных обстоятельствах, может быть, даже недельный стационар.

Содержательные дискуссии возникли при обсуждении вопроса о «науках», которые ребёнок должен пройти до поступления в школу. Единогласно и безоговорочно прошли только этика и эстетика («привитие чувства собственного достоинства и обязательного уважения к личности другого, а также развитие веками подавляемого у нас чувства прекрасного»), да ещё физическая культура, включая элементарные санитарии и гигиену. Формулировки «культура умственного и физического труда», «азы естество- и обществознания» вызвали большие сомнения. Беглое чтение и счёт хотя бы до сотни тоже прошли почти единогласно и с самыми незначительными оговорками, а вот в отношении письма вновь возникли сомнения: большинство экспертов высказалось за то, чтобы довольствоваться элементами рисунка и письма, доступными шестилеткам. Впрочем, все согласились, что тут многое зависит от личности воспитателя и самого ребёнка.

Не вызвал дискуссий вопрос о желательности для таких занятий хорошо оборудованных специальных помещений (ещё лучше — зданий с участками), а также об

их расположенности возможно ближе к родительскому дому — во всяком случае в пределах пешеходной доступности для ребёнка. Зато наметился разброс диаметрально противоположных мнений по вопросу платности или бесплатности дошкольного образования. С одной стороны, часть экспертов отстаивали принцип бесплатности, справедливо указывая, что у подавляющего большинства молодых родителей с детьми дошкольного возраста средств к жизни и так катастрофически не хватает. С другой стороны, почти равновеликая часть напоминала о том, что «всякая халява развращает людей и кошмарно ухудшает качество обслуживания». Взамен предлагался принцип полной платы по реальной стоимости при соответствующих денежных госдотациях молодой семье. Была и промежуточная, компромиссная позиция: детское питание, одежда, книжки, игрушки и услуги дошкольных учреждений — по сугубо символическим ценам, доступным молодой семье, с выплатой разницы в реальной стоимости из госбюджета.

Особенно острую дискуссию вызвал вопрос о платности образовательных услуг за пределами общего для всех минимума для одарённых детей из неимущих семей. У экспертов преобладало мнение, что таким детям необходимы целевые стипендии из разных источников, не обязательно государственных.

III

В подсистеме начальной школы столкнулись две противоположные концепции: традиционная — «начальная и средняя школа вместе, детсад отдельно» и инновационная — «детсад и начальная школа в одном комплексе, неполная и полная средняя школа в другом». За традиционной схемой стоит инерция мышления и экономия средств. За инновационной — понимание принципиального различия между подростком, с одной стороны, и ребёнком любого постемладенческого возраста, с трёх и примерно до десяти лет, — с другой. До недавних пор эта проблема носила абстрактно-теоретический характер, поскольку не име-

лось никаких средств для её решения. Но в обозримой перспективе, когда количество детей начинает по нарастающей сокращаться, появляется реальная возможность «маневрировать средствами» при строительстве или капитальном ремонте зданий школ. Проблема обретает практическую актуальность. Пока что она решается компромиссно. Там, где появляется возможность, дети и подростки размещаются по разным школьным зданиям.

Голоса экспертов в отношении двух противостоящих концепций разделились примерно поровну. Но по нескольким принципиальным положениям был достигнут консенсус.

Прежде всего это относится к различию между ребёнком и подростком. Один из экспертов заявил, что пресловутая формула «Дети до 16 лет» так же жлива и бессодержательна, как и аналогичная ей формула «молодёжь до 30 лет». Он напомнил, что веками народная мудрость различала младенцев

(которые, в свою очередь, делились на грудных и просто младенцев); детей младшего, среднего и старшего возраста (приблизительно трёх-пяти, пяти-восьми и восьми-десяти лет), в зависимости от того, какую именно помощь в отличие от младенцев они могли оказывать родителям по хозяйству; подростков десяти-пятнадцати лет, которые в отличие от детей не просто помогали по хозяйству, а являлись своего рода «заместителями» отца и матери семейства по ряду важных трудовых операций и по уходу за младшими братьями и сёстрами; наконец, молодёжь пятнадцати-двадцати лет, оставшуюся на положении подростков в ожидании скорой свадьбы и в случае отсутствия таковой переходившую в обязательном порядке на третьем

Т. Яблонская. Обручальное кольцо

десятике лет в категорию «старых дев» или соответственно «бобылей», обречённых на плачевную участь «приживальцев» в чужой семье. Сегодня существенная прежде разница между «помощниками» и «заместителями» по хозяйству исчезла, а акселерация резко «омолодила» наступление физиологической зрелости, так что всё чаще не поймёшь, когда кончается «ребёнок» и начинается «молодёжь». Но всё равно переходная возрастная группа подростков с их специфическими проблемами никуда не девалась и требует к себе специального внимания, равно как и физиологически взрослые люди — «учащаяся молодёжь».

Другие эксперты были более кратки в своих суждениях по этому поводу, но ни один не выступил с иной точкой зрения. В общем и целом все так или иначе придерживались того же мнения. Вопрос сводился только к тому, действительно ли начальная школа может представлять особую подсистему народного образования или она сама есть подсистема средней (неполной средней) школы.

Если суммировать мнения экспертов по этому вопросу, то они сводятся к двум основным положениям, разделяемым большинством экспертов.

- Во-первых, коль скоро контингент начальной школы не «школьники вообще», а дети в отличие от подростков и молодёжи, то и отношение к ним должно быть именно как к детям. Имеются в виду число и продолжительность уроков и перемен, включая обязательную релаксацию — аналог знаменитого «тихого часа» в детсадах (сам «тихий час» для современных детей вряд ли реализуем — по крайней мере, в школе, но педагогика изобрела множество способов достигнуть релаксационного эффекта без имитации дневного сна в постелях). Кроме того, обязателен значительный игровой компонент на уроках и в домашних заданиях — не столь большой, как в детсадах, но всё же намного больше, чем у подростков и тем более у взрослой молодёжи. Наконец, важен «щадящий режим» в отношении оценки знаний. Как известно, педагоги в первых классах (может быть,

не все?) давно уже явочным порядком перешли с пятибалльной на двухбалльную систему, меньше приводящую малышей в отчаяние: оценка бывает либо хорошей, либо очень хорошей. Наверное, этот опыт с какими-то поправками следовало бы распространить на всю начальную школу. Требуется оптимального решения и проблема разновозрастности школьных контингентов.

В принципе разновозрастность естественна и полезна, но, как показывает горчайший опыт, она даёт надлежащий эффект только в том случае, если возрастная пирамида увенчивается ответственным взрослым (родителем или учителем), который способен в зародыше подавлять эксцессы, неизбежные при столкновении представителей подрастающего поколения, принадлежащих к разным возрастным группам. Именно это обстоятельство сгубило нашу армию с её двухгодичной рекрутчиной, где «деды» второго года службы безнаказанно измывались над «салагами» первого года. И если вы заглянете на перемене в любую школу и посмотрите, как относятся старшие к младшим, то тут же станете ярым сторонником отделения начальной школы от неполной средней, даже если до того придерживались противоположной точки зрения.

IV

Меньше всего замечаний у экспертов вывела подсистема неполной средней школы. По сравнению с предшествующими и последующими может показаться, будто она — само совершенство и верх благополучия. На самом деле это, конечно, не так, и эксперты не преминули отметить некоторые её специфичные проблемы.

Главнейшая из них — психология современного подростка. Следует признать, что мы собственными руками поставили его в противоестественное положение и теперь оплакиваем результат. Веками и даже тысячелетиями подросток — это прежде всего бурная заключительная стадия полового созревания, которая за три-четыре, а то и за два-три года превращает гадкого утёнка в прекрасного лебедя (а у нас сегодня сплошь и рядом получает-

ся прямо противоположное — превращение прекрасного агнца в гадкое козлище). Изменяется физиология, даже физический облик человека. Естественно, точно так же меняется психология. Меняется мучительно — и для самого подростка, и для окружающих. Чтобы облегчить мучительное превращение «гусеницы» в «бабочку», народная мудрость веками переводила бурную энергию подростка в каналы подготовки к взрослой жизни. Подростка забирали из школы и приобщали к делам по хозяйству намного серьёзнее, чем ребёнка, практически всё время держали «на подхвате» у себя под руками. А в короткие часы досуга отправляли его на предбрачные игры — петь частушки и водить хороводы. Сначала в роли зрителя и статиста в этом вековечном спектакле, затем, ближе к четырнадцати-пятнадцати годам, всё чаще в роли «солиста», в роли завтрашнего жениха или невесты. Мы стихийно и бездумноотреагировали на массовый переход от традиционного сельского к современному городскому образу жизни прямо противоположной стратегией: держим подростков на положении неразумных младенцев, которым надо запихивать в рот кашу и затем сажать на горшок. При всём том, как ни парадоксально, фактически полностью бросаем этих псевдомладенцев на произвол судьбы, подобно тому как оставляем детей одних играть со спичками. И очень удивляемся и огорчаемся, когда вдруг получаем в ответ подростковую «контркультуру», воинствующе враждебную господствующей культуре людей среднего возраста и пожилых.

Один из экспертов рассказал притчу. Вы завели на даче котёнка или кутёнка, а затем, уезжая, бросили его на произвол судьбы. Что сделает кутёнок, чтобы выжить? Правильно: примкнёт к стае и будет жить по её законам. В точности так же поступает подросток, брошенный на произвол судьбы своими родителями ради изнурительной работы, очередных гостей или круглосуточного телевизора. А стая — это серьёзно. В ней обязательно есть вожак — обычно не самый гуманный представитель

человечества, которому, под страхом крупных неприятностей, надо угождать и подражать. Есть прихлебатели, с которыми тоже приходится считаться. И есть злосчастные «слабаки», участи которых трудно позавидовать и в число которых очень не хочется попасть.

И вот прямо из своих звериных джунглей, куда мы его запихнули собственными руками, подросток попадает на школьную «ферму», требующую мгновенного перевоплощения в домашнего ягнёнка. Результат каждый может видеть собственными глазами. И, как пелось в некогда популярной песне, «то ли ещё будет, ой-ой-ой!».

Развести сегодня подростков назад по крестьянским избам? Продолжать держать их в межумочном состоянии? Выдавать замуж и женить по достижении 16 лет, а до того интенсивно готовить к этому событию, как прежде? Современных родителей можно вполне сбросить со счёта. Остаётся сделать, что возможно, в рамках и силами неполной средней школы.

Что может сделать по части оптимизации процесса взросления подростков неполная средняя школа? Эксперты наметили несколько конструктивных, на наш взгляд, путей решения этой проблемы.

Во-первых, относиться к подростку надо не как к школьнику, а как к «всамделишному» студенту. Нет, настоящим студентом он не станет не то что в четырнадцать — даже в восемнадцать лет (напомним, что интеллектуальное совершеннолетие особей из рода *гомо сапиенс* происходит не ранее двадцати одного года). Но вот «поиграть в студентов» — это он с таким же удовольствием, как и «поиграть во взрослых» на своих вечеринках. Помогать ему играть «в студентов» — это, значит, возможно чаще, не ломая положенного расписания, прибе-

И. Воробьёва. Мать

Что такое директорский фонд?

Часто его ещё называют 10% директорский фонд. Он может формироваться в образовательных учреждениях в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 9.09.92 № 1037-р. На практике он существует, хотя может составлять и менее 10%. Вот как он образуется:

Надтарифный фонд — это 25% от фонда оплаты труда. Все надбавки и доплаты (классное руководство, проверка тетрадей и т.п.) примерно составляют 15%, которые выплачиваются из надтарифного фонда. Тогда $25\% - 15\% = 10\%$.

То есть директорский фонд — это остаток надтарифного фонда после вычета из него всех «обязательных» надбавок и доплат.

У образовательных учреждений, кроме надтарифного дополнительного фонда, могут оказываться и средства от экономии фонда оплаты труда по смете расходов, например за счёт выплаты больничных листов. Эти суммы остаются в распоряжении самого образовательного учреждения и могут быть использованы на выплату стимулирующих доплат и надбавок, премирование работников.

А.Б. Вифлеемский,
О.В. Чиркина

гать к кратким лекциям на уроках — с вопросами и «соображениями по поводу», к имитации студенческих семинаров — с пятиминутными докладами, оппонентами, дискуссией, «всё как у больших», к лабораторным работам, производственной практике и даже к защите «дипломных работ» объёмом в одну-две странички. Всё это делается в тысячах школ, но ведь школ-то у нас — десятки тысяч!

Во-вторых, подростков надо как можно более энергично готовить к будущей жизни. Свадьба — это сегодня за далёкими горами и далеко не у всех. А вот работа «светит» практически всем и намного раньше. Нельзя ли начать готовиться к ней, как раньше к свадьбе, за много лет допрежь? Никто из экспертов не отстаивал давно скомпрометировавшую себя идею ранней профессионализации подростков. Но почти все так или иначе указывали на важность начальной стадии будущей профориентации именно в этом возрасте. Не сразу ставить на подростке тавро «токарь» или «слесарь», а помочь ему познакомиться с несколькими профессиями на выбор — и не на словах, а более основательно.

Автор готов сослаться на собственный опыт. Как и многие мальчишки 30-х годов, я не мыслил себя вне военной профессии, бредил армией с четырёх лет и начал основательно готовиться к военной карьере ровно в десять лет, в четвёртом классе. Для этого с упоением перечитал и едва ли не выучил наизусть около десятка популярных книжек «для старшего школьного возраста» с одинаково скучными названиями типа «Артиллерия», «Военно-морские корабли» и т.п. Кроме того, я неоднократно побывал в музеях и собственными руками потрогал пушки, постоял если не на палубе, то рядом с макетом линкора. Поговорил по душам со всеми, с кем мог, из числа тех, кто носил петлички на гимнастёрках. Наконец, в насквозь военизированных тогда школах и пионерлагерях «дослужился» до должности командира отделения и даже помкомвзвода. Поэтому когда 18 июня 1941 года, после окончания семилетки,

явился в приёмную комиссию спецвоенморшколы на Красносельской в Москве, то после самого краткого собеседования зачисление было предreshено.

Разве трудно помочь миллионам подростков сделать примерно то же самое, причём вовсе не обязательно по военной стезе и вовсе не обязательно раз — и на всю жизнь? Чем больше «атомной» энергии подростков отвлечётся на эту предстоящую «свадьбу» со своей будущей супругой-профессией, тем больше её переключится не на разрушительные, а на мирные цели в интересах и самого подростка, и всего общества.

Наконец, в-третьих, сразу несколько экспертов указали на самую главную особенность, отличающую взрослого человека от невзрослого: обязательная забота о ком-то или о чём-то, чувство ответственности и за себя, и за ближних, прежде всего, за меньших своих братьев по разуму. Это означает, что подростка можно и должно вернуть на его исконную должность заместителя взрослого, прежде всего по части заботы о малышах. Но обязательно, во избежание «дедовщины», под непосредственным личным руководством учителя или родителя.

И всё это — при сохранении достаточно высоких стандартов общего образования, необходимых для успешного прохождения следующих подсистем СНО. Понятно, с учётом замечаний по части содержания образования, о коих мы упоминали выше.

V

Насколько единодушно и мирно прошли интервью по подсистеме неполной средней школы, настолько противоположный характер приняло обсуждение проблем «полной средней» (включая специальные средние учебные заведения). По сути, получилось шестнадцать разных подходов, разных моделей этой подсистемы. Единственное, в чём сошлись все шестнадцать экспертов, — это в резко критическом отношении к году выпуска абитуриентов (напомним, что тогда вопрос о переходе к 12-летней

средней школе не был ещё поставлен официально). Именно здесь совершенно неожиданно для исследователей состоялась, можно сказать, кульминация экспертизы.

В самом деле, кого и куда выпускаем мы из школы в 17–18 лет? Полвека и даже четверть века назад ответ напрашивался сам собой. Сегодня никакого ответа вообще нет. По крайней мере, достаточно убедительного. А недоумения экспертов, напротив, выглядят как раз весьма оправданными.

Если мы таким образом спешим заполнить якобы пустующие рабочие места в общественном производстве, то это напрасная затея. У нас каждый третий из работоспособных прочно увяз в трясине открытой или скрытой безработицы. И никто не ждёт ни новых конкурентов на привлекательные рабочие места, ни новых «хвостов» в очередях на получение пособия по безработице. Тем более новичков, абсолютно неквалифицированных и очень капризных в отношении условий работы.

Даже если бы всё общественное производство горело у нас синим пламенем из-за нехватки рабочих рук, любящие родители всё равно не пустили бы своё ненаглядное чадо на непрестижные — пусть даже сравнительно высокооплачиваемые — рабочие места. Предпочли бы содержать его на «собственной шее» до его, чада, пенсии, а помянутые рабочие места, как это и происходит сегодня, предоставили бы выходцам из «трудоизбыточных» регионов.

Если торопимся поскорее передать абитуриентов «полной средней» следующим подсистемам народного образования, то и это напрасный труд. Опыт показывает, что в вузы пройдёт не более 20% выпускников, да и из тех чуть не треть отсеется на 1–2-м курсах, а по специальности будут работать вообще считанные единицы. И такой плачевный результат воздвигнется на Монблане из десятков тысяч трагедий «непоступивших», сотен тысяч трагедий их родителей, бабушек и дедушек. Целое море самого отчаянного людского горя, сопоставимого с попаданием под трамвай. И во имя чего?

Если надеемся таким образом поправить кошмарную демографическую ситуацию, связанную с начинающимся физическим вырождением народа, успеть подготовить к 18 годам новый контингент женихов и невест аккурат сразу под венец, то и тут нас ждёт жестокое разочарование. Даже к 25 годам узамы брака успевают сочетаться лишь один из трёх молодых людей, а уж в 18–20 лет — это считанные проценты. Совершенно независимо от того, выпустить ли их из школы после 4-го класса или оставить в 10-м на десятый год.

Наконец, если рассчитываем таким способом успеть забрить их в солдаты до обзаведения семьёй, то это просто социально-политическое самоубийство страны. Горький опыт показывает, что один профессионально опытный 25-летний боевик легко одолевает десяток насильно загнанных в строй 18-летних мальчишек. Пока что это достаточно убедительно продемонстрировали несколько тысяч чеченских боевиков. А если случится столкновение с десятком или сотней тысяч профессиональных рейнджеров? Это будет похуже 1941 года...

И почему-то никому не приходит в голову подумать о том, как получить десятикратный эффект в вооружённых силах по сравнению с существующим положением при гораздо меньших затратах, безо всяких стенаний несчастных солдатских матерей, без массового увиливания от солдатчины их детей, без трижды проклятой, но неизбежной при существующем положении вещей жуткой «дедовщины» и прочих «преlestей», неизбежных при попытке прота-

Коль скоро родительская семья не справляется больше даже с подростками, а уж тем более со взрослыми молодыми людьми 15–20 лет, причём у большинства из них своя собственная семья появится, как правило, лишь спустя годы и годы, а общественное производство не готово предоставить им привлекательные рабочие места, — разум подсказывает необходимость удерживать их как можно дольше в рамках социального института школы (не обязательно предыдущей подсистемы и вообще не обязательно существующих образцов).

щить в XXI век давно минувший XIX или даже XVIII.

Парфразируя известный афоризм Талейрана, можно сказать, что здесь мы видим нечто худшее, чем просто ошибку. Мы видим самое настоящее преступление. В отношении подрастающего поколения. В отношении всего народа, общества, государства. Безнаказанное государственное преступление продолжительностью почти в полвека — вот что это такое.

Один из экспертов обратил внимание на дикий ажиотаж с поступлением в «негосударственные» вузы (те самые, которые наши респонденты в пробных опросах почти единодушно отнесли к сфере «теневой экономики»). Ведь полная стоимость обучения 20-летнего «ребёнка» в самых дешёвых из них сопоставима со стоимостью автомашины или квартиры — вещей, для многих наших родителей намного более дорогих, чем постылый, бесконечно огорчающий и нередко враждебный тинэйджер. Правда, позволить себе такую роскошь могут не более 20% семей, принадлежащих к высшему, выше-среднему и среднему классам общества. Остальным 80%, принадлежащим к низше-среднему и низшему классам, это не по карману. Но и 20% — это восемь миллионов семей из наличествующих сорока миллионов — вполне достаточно для процветания этой разновидности «чёрного» или по меньшей мере «серого» рынка. Можно, конечно, не соглашаться с такой суровой оценкой наших «негосударственных» вузов, многие из которых ни по каким статьям не уступают государственным. Тем более что в последних тоже растёт и ширится «коммерческий сектор» платного обучения, ровно ничем не отличающийся от «негосударственного» рынка. Но всё-таки что же движет людьми, выкладывающими или годами с трудом наскребающими полдесятка, десятка, а то и два десятка тысяч долларов, которым, казалось бы, нетрудно найти более рациональное применение?

Другой эксперт обратил внимание на торговлю в открытую, по-наглому, готовыми бланками дипломов на любой вкус.

Формально не придерёшься: человек потянул диплом и покупает новые «корочки», чтобы официально оформить дубликат. Но все же понимают, что это гораздо легче сделать непосредственно в учебной части соответствующего вуза. Всем понятно, что готовится «очередная» липа. Готовится во многих тысячах семей — иначе торговцу не было бы смысла торчать со своим «товаром» целый день в переходе метро. И это ровно в десять тысяч раз дешевле платы за «негосударственный вуз» или платное отделение государственного. Зачем же миллионы семей выбирают вариант, который обходится в десять тысяч раз дороже? Конечно, многим родителям просто претит «липа», а многие понимают, что, помимо «корочек», необходимы ещё и какие-то знания, какая-то фактическая специальность. Но для подавляющего большинства важнее другое: их чадо предстоящие пять лет не будет тихо сходить с ума в безуспешных попытках год за годом проскочить адские круги приёмных экзаменов или скандально сходить с ума от безделья, или, того хуже, затешется в дурную компанию и «сядет на иглу», как это сделали и делают сегодня миллионы его собратьев по разуму.

Уже одного этого факта достаточно для самого сурового вердикта по поводу существующей полной средней школы. Для обвинения в том, что она сделалась полнейшим анахронизмом и ни в коей мере не соответствует действительным запросам общества.

Но, как известно, критиковать гораздо легче, чем предлагать что-то лучшее и притом не фантастичное. Здесь у экспертов было гораздо меньше единства. Как уже говорилось, они предложили целых шестнадцать наборов различных решений, во многом исключаящих друг друга. Выбирая из каждой концепции наиболее конструктивные, на наш взгляд, элементы и сводя их в единое целое, получаем примерно такую картину.

Вряд ли будет оптимальным просто продлить им «школьные годы» ещё на несколько лет. В особенности памятуя о том, что подавляющее большинство из них

к продолжению общеобразовательных занятий за школьными партами ни интеллектуально, ни психологически просто не способны и будут по нарастающей выражать свой протест асоциальным поведением.

Гораздо разумнее во всех отношениях представляется сеть средних профессиональных училищ (колледжей), в которых первые два-три года, как и сегодня, базовая теоретическая подготовка совмещается с производственной практикой, а затем студент(!) колледжа идёт на длительную производственную практику стажёром по профилю своей специальности (может успеть сменить несколько профилей в случае необходимости), периодически сдаёт, как аспирант, профильные и общеобразовательные минимумы, для чего получает соответствующие консультации, а также готовит диплом, как вузовский студент, — пусть всего на несколько страниц.

Стажёрство может продолжаться сколь угодно долго, потому что стажёр работнику не конкурент до тех пор, пока не откроется желанная вакансия или стажёр не поступит в университет. Или пока не обзаведётся собственной семьёй и отправится искать другое место работы, чтобы её содержать. Во всех случаях молодой человек находится в коллективе (в рамках определённого социального института), имеет чёткие ориентиры и цель в жизни, обретает смысл жизни. Если вдуматься во всё это, то не жалко никаких средств для такой реморализации подрастающего поколения и минимизации обычных ныне жизненных драм молодёжи. Тем более что и средства-то требуются не заоблачные: ведь стажёры многое могут компенсировать своим трудом при стипендии, не сопоставимой с зарплатами квалифицированных рабочих.

Стажёрство может охватывать не только те специальности, по которым существуют техникумы и аналогичные им специальные средние учебные заведения. Социально важно, что оно может охватить массовые рабочие профессии и даже многие категории маргиналов (например, бу-

дущий дворник может учиться, как все, на «оператора экологической службы города»). Некоторые колледжи могут быть названы военными и поставлены в настолько привилегированное положение, что поступление в них начнётся по конкурсу, причём после их окончания вовсе не обязательно идти в профессиональные военные — можно применить полученную специальность в любом другом месте. А между тем студент такого колледжа сыграет в деле обороноспособности страны абсолютно такую же роль, как и сегодняшний призывник. Только без «дедовщины». Во всех остальных колледжах желательна военная кафедра, раз в неделю военно-спортивная подготовка в течение всего дня и один из летних месяцев военные лагеря, причём не только для юношей. К двадцати годам получится хорошо подготовленный резервист на случай чрезвычайных ситуаций. Остаётся только создать такие условия для контрактников, чтобы в профессиональную армию после окончания колледжа шли по большому конкурсу, как в университет, как «миротворцем» в Югославию или в Африку.

Теперь соберём воедино всё только что сказанное и сообразим: разве это не конструктивная альтернатива существующему вопиющему положению вещей? Не будем пытаться доказывать, будто всё это — несбыточная утопия. Во многих странах мира это давно уже реальность. Конечно, у России — большая специфика, а у сегодняшней России — тем более. Но не настолько же, чтобы, говоря словами классика сатиры, своих собственных детей самим себе продолжать отдавать на поругание!

Нужно признать, что соображения экспертов в данном случае настолько радикальны, что требуют основательного дополнительного обсуждения и грамотно поставленных социально-педагогических экспериментов. Впрочем, такие эксперименты уже проводятся в ряде субъектов РФ и дело — за осмыслением накапливаемого опыта. ■